

Наше христианство: Ради духа или ради формы?

К еретикам с любовью?

Мы знаем, что в нашей стране большинство ее граждан – крещенные в Православие люди. Но можно ли сказать, что каждый из этих 60, 70 или 80 процентов россиян является христианином? Безусловно, нет, потому что если бы это было так, то жизнь нашей страны складывалась бы совершенно иначе.

Мы удивляемся, видя подчас в истории Церкви, да и в современной реальности, действия со стороны верующих людей, совершенно от христианства далекие. Помню, когда я только начинал вести церковную жизнь и многое узнавал о христианстве, меня совершенно потрясли некоторые эпизоды из отечественной церковной истории. В Православной Церкви не было инквизиции, но даже если взять, например, произошедшую при патриархе Никоне трагедию раскола, то станет очень больно: очевидно, что

всё это было хоть и закономерным, но недоразумением, которое можно было уврачевать, – и наверное, здесь не хватало христианской любви с обеих сторон.

Или такой сравнительно недавний – начала XX века – эпизод, как борьба с ересью имяславия. Это было некое течение среди монашествующих Святой Горы Афон, которые не совсем правильно понимали и свой, и чужой молитвенный опыт: для них имя Божие было как бы Самим Богом. Когда в России было принято решение с этим течением бороться, к Святой Горе подошел наш военный корабль и даже произвел залп в сторону полуострова. И многим тогда казалось, что это совершенно нормальные меры для борьбы за чистоту веры. Потом эти монахи были выдворены с Афона – и, конечно, для них это стало страшной трагедией. А самое главное – в решении этого, безусловно, важного церковного вопроса опять-таки совершенно очевидно не хватало любви: о ней будто забыли, и совсем другое вышло на первый план.

Я говорю об этом не затем, чтобы судить историю. Но у нас должно быть достаточно мудрости, чтобы, имея в виду и этот опыт, смотреть на нашу сегодняшнюю жизнь. Может ли человек, пришедший в Церковь и прочитавший Евангелие, поступать совершенно не по Евангелию? Может, в том числе и даже если он носит священный сан. Проблема нехватки любви касается и Церкви. Но самое главное, с чем сталкивается человек, всерьез решивший по Евангелию жить, – это, конечно, точно такая же нехватка любви в нем самом. И здесь самое время не удивляться, не ужасаться прочитанному в учебнике по истории Церкви или увиденному в интернете, а разобраться во внутренних причинах.

Не «нравственность» и не «традиции»

Мы упираемся во внешнюю форму и упускаем главное: христианство – это личные отношения человека со Христом

Главная проблема, объединяющая всё сказанное выше, на мой взгляд, одна: многим людям свойственно в очень значительной степени тяготение ко внешнему укладу – будь то православный или же какой-то другой уклад. В результате – и это очень заметно сейчас – мы упираемся во внешнюю форму христианской жизни и упускаем главное, что в ней есть. Христианство – это в первую очередь личные отношения человека со Христом, это таинственные взаимоотношения личности и Личности. И если мы идентифицируем себя как христиан по каким-то другим причинам: мы родились в православной стране, верующими были наши родственники, для нас важны нравственность и традиции, то мы зиждем свое христианство на неверном основании. А верное основание – это приход ко Христу. И о том, как ко Христу прийти, говорит нам по сути всё Евангелие. Мы видим, как апостолы становятся апостолами, видим, как другие люди решаются пойти за Ним. И очевидно, что если бы у этих людей не возникло личного отношения ко Христу, не появилось бы основанного на этом глубокого доверия к Нему, то с ними бы не произошло того, что сделало их внутренне совершенно другими людьми. Сначала – сама личность Христа и вера в Него, и уже потом – Его учение. Хотя, конечно, до конца разделить это невозможно, здесь всё неразрывно связано между собой.

«Не знаете, какого вы духа»

Есть очень важный момент – некий камень преткновения, разделяющий христиан по духу и христиан по форме. Наше отношение ко Христу должно быть бескорыстным. Не потому, что бескорыстие само по себе добродетель, а потому что только в этом случае наше отношение ко Христу может быть свободным – не зависящим от тех обстоятельств, в которые нас может поставить жизнь. И речь здесь даже не о чем-то материальном – корысть может заключаться и в том, что мы находим для себя предпочти-

тельным жить в Церкви, потому что это дает «мощную духовную защиту», приобщает нас «к 2000-летней истории христианства и его величию» и т.д.

Но в этом случае, нося имя христиан, мы можем неожиданно для себя оказаться чуждыми духу Христову. Вы помните наверняка этот момент: Господь проходит через самарянское селение, и его жители не дают Ему в нем остановиться. И это вызывает у апостолов такое возмущение, что они спрашивают: «Господи, хочешь, мы сейчас помолимся и низведем на них огонь с Небес?» (см.: Лк. 9: 52–54). А Господь отвечает им: «Не знаете, какого вы духа» (Лк. 9: 55). Христос здесь не только указывает апостолам на то, каков их дух в настоящий момент – дух гневный и чуждый любви, но и говорит им что-то вроде: «Не понимаете еще, Чьи вы». Но мы-то уже понимаем, и если мы ученики Христа, то должны быть Его духа, иметь в себе этот дух Христов.

Нужно помнить, что, как только мы отвергаем этот дух милосердия, кротости, сострадания, мы оказываемся в положении, в котором невозможно быть христианином. Об этом хорошо говорит апостол Павел в своем известном «гимне любви», где он свидетельствует: что бы ни делал человек, вплоть до раздачи всего имущества нищим и отдания самого себя на сожжение, это не значит ровным счетом ничего, если в этом нет любви (см.: 1 Кор. 13: 3). И безусловно, именно в этих случаях, преткнувшись о самого себя, человек переходит к каким-то внешним формам исповедания своей веры (а зачастую – и назидания других в том, как нужно веру исповедовать). И как явление нашей церковной жизни это, на мой взгляд, очень и очень опасно.

Христианин «без ничего»

Конечно же, церковная жизнь имеет – и непременно должна иметь – вполне определенные внешние формы. Но при этом нужно понимать, что строй этой жизни на протяжении веков довольно сильно менялся и может еще в чем-то измениться, если изменятся обстоятельства и условия нашей жизни, – и нельзя себя к этому привязывать всецело, так, чтобы без привычного внешнего не мыслить уже и внутреннего.

Как это пояснить? Есть у нас, допустим, замечательные прихожане, которые по всем воскресным дням ходят в храм, посещают приходские беседы, читают духовную литературу и даже в автомобиле в пробках слушают какие-нибудь церковные песнопения и аудиокниги. В их церковной жизни есть масса вещей, которые определенным образом эту жизнь организуют. И вот человек на месяц или на полтора вдруг оказывается из всего этого выбит: ему пришлось срочно уехать по каким-то неотложным делам, или он попал в больницу, или еще что-то произошло. Всё это время он не мог ни в храм пойти, ни, может быть, даже правило нормально и в уединении прочесть, ни исполнить какие-то привычные дела благочестия. И вот приходит этот человек опять в храм, на исповедь. С чего он начинает? С того, что вся его церковная жизнь непонятно уже на что похожа и сам он непонятно на кого похож. Казалось бы, это естественно, это свидетельствует об огромном значении для человека посещения храма, но на самом деле это показывает христианскую незрелость. От нас никто не требовал отречься от веры, у нас был отнят только привычный строй жизни, и то на недолгое время, – и что осталось? А ведь мы постоянно говорим: того, что мы христиане, никто и ничто не может отнять у нас. Почему же на деле это не так?

У нас может быть многое отнято, но никогда не отнимется Христос – а значит, и жизнь во Христе

Мне в этом случае всегда во множестве вспоминаются примеры из жизни новомучеников и исповедников Российских, но особенно один пример – митрополита Алма-Атинского и Казахстанского Иосифа (Чернова). Вот он в ссылке – человек уже немолодых лет, архиерей Божий, моет плевательницы в туберкулезной больнице. А вот он подрабатывает по ночам в круглосуточном детском саду, и весь горизонт его обязанностей – и вчера, и сегодня, и завтра – это мытье полов и высаживание детей на ночные горшки. Всё разрушено: нет ни прихода, ни храма, ни книг, ни собратьев-пастырей рядом, нет понимания того, каким будет завтрашний день. И вместе с тем мы видим, что в этом человеке не изменилось ничего: когда-то эти руки держали Чашу с Телом и Кровью Христовыми, а теперь они держат плевательницу, но это всё тот же христианин и тот же архиерей. И вот это понимание, что у нас может быть многое отнято, но никогда не отнимется у нас Христос, а значит, и жизнь во Христе, настоящая и полноценная, на мой взгляд, очень и очень важно. А еще важно, чтобы этой жизнью жили на самом деле!

Сокровище на Небесах

Если мы хотим понять, живем ли мы по-христиански и не напрасно ли протекают наши годы в Церкви, нам нужно смотреть не на то, «чего нам удалось достичь» в плане воцерковления. Смотреть надо на другое: на то, что мы за это время успели собрать в своем сердце. Стали ли мы Христовыми – Его ли мы? И на самом деле не так уж сложно бывает разобраться и себе ответить, потому что жизнь испытывает нас в этом буквально каждый час, давая нам возможность либо утвердиться в нашей вере и в нашем христианском духе, либо, наоборот, поколебаться в них.

Мы знаем из Евангелия, что необходимо собирать для себя сокровища на Небесах (см.: Мф. 6: 19–20). Но что такое это сокровище на Небе? Нередко отвечают: «Это добродетели», но можно сказать точнее: это и есть дух Христов. Обретем мы его – и никто не сможет его украсть; что бы с нами ни происходило, это только сделает нас более пригодными для Небесного Царствия. И только этот дух может сделать нас способными хотя бы в какой-то мере менять жизнь вокруг нас. Никакая борьба с «врагами веры», никакая полемика, никакие правильные идеи нам этого не дадут. И это крайне актуальный вопрос на сегодня. Иначе бы не звучало столь часто в сторону нас, христиан: «Смотри, вот они называют себя христианами, а к ним и подходить-то лишний раз не хочется...»

Игумен Нектарий (Морозов)

